

Виктор ВОЛЧКОВ ● ЕСЛИ ПРОЙДЕМ ПОРОГИ
ОЧЕРК

Есть неписаное правило: не возвращайся в места, где был счастлив. Применительно к туризму его можно перефразировать так: не проходи дважды одним маршрутом. Старые ощущения не веротишь, а новые будут совсем другими. И тогда может прийти разочарование.

Все же я рискнул повторить сплав на плоту по Олекме от Усть-Нюкжи до Лены. Первый раз этим маршрутом с якутским парнем Николаем Гончаровым мы прошли осенью 1971 года. Тогда об экономических преобразованиях дальневосточного региона говорилось лишь в будущем времени. Север Амурской области был почти необжитым: в бассейне Олекмы базировался лишь оленеводческий совхоз «Ленин Октон». О БАМе только начинали разговор, даже на картах не было точной трассы.

За прошедшие два десятилетия все изменилось. Построен БАМ, выросли поселки и железнодорожные станции по трассе, край заселился строителями, эксплуатационниками. Как восприняла природа все это? По-прежнему ли чисты воды Олекмы и ее многочисленных горных притоков? Повлияло ли строительство магистрали на экологию района? Как? Пойти в маршрут предложил своему старшему сыну Олегу, которого приобщил к туризму с малых лет.

Сплавляться решили на плоту, построенном из восьми отслуживших свое автомобильных камер с настилом. За ними мы и пришли в автобазу Зейского лесоперевалочного комбината. Начальник колонны отфутболил нас в бухгалтерию.

— А какая их стоимость? — с подозрением осведомились там.

Мы не знали.

— Придется создать комиссию. Зайдите через неделю.

Отпуск у нас обоих начался, дни летели...

Пошли к вулканизаторщику. Тот молча отогнул большой палец вверх, мизинец вниз — жест, понятный каждому мужчине. А как забрать — на воротах ведь вахтерша?

— А вот через эту калиточку, — показал парень. — Специально для туристов прорублена. Не вы первые.

Наутро восемь латаных-перелатанных камер были дома. Я подумал: почему бы продажу этой самой списанной резины не наладить через магазин или напрямую через вулканизаторную лесокombината? И предприятию была бы выгода, и туристам.

...Через несколько часов рейсовый автобус увозил нас в Тынду, откуда на беркакитском поезде предстояло добратся до столицы БАМа. Там снова пересадка на чарский поезд. Начальная точка маршрута — станция Юктали, неподалеку от впадения Нюкжи в Олекму.

Беркакитский поезд в народе называют «пятьсот веселым». Но времена чумазых строителей прошли, и одетыми не по форме в купе оказались лишь мы с Олегом.

В Тынде нас встретил Илья Тищенко, мастер гортеплосети. Любопытная биография у этого парня. Окончил Магнитогорский металлургический институт, получил направление в Сковородино. Там женился, отработал положенные по договору три года, вернулся на родину. И сразу же — отличная благоустроенная квартира в центре города. На мемориальной доске комбината — имена первооткрывателей Магнитки, среди них родственники Ильи. Словом, живи и радуйся. Но зз-тосковал он по привольному Приамурью. Списался с коллегами, получил вызов в Тынду. И хоть нынешняя его квартира куда скромнее магнитогорской и работа похлопотливей, Илья доволен.

Утром пошли в город. Конечно, никакого сходства с Тындой начала 70-х: вырос город, расстроился, «расцвел белозубой улыбкой», как пел на одном песенном фестивале известный бард Евгений Клячкин. Дома многоэтажные, благоустроенные. Точнее сказать, часть из них. Все еще много временного жилья, различных вагончиков, которые устанавливались на

время строительства магистрали, да так и остались. В городе масса проблем. Обеспеченность предприятиями общественно-го питания — немногим более 50 процентов, бытовыми услугами — 43, кинотеатрами — 29. По-прежнему остро стоит вопрос с жильем, его не хватает. Заместитель министра транспортного строительства Ефим Басин назвал такую цифру: из Тынды уезжает больше людей, чем приезжает. И все из-за отставания соцкультбыта.

С вводом всего БАМа в эксплуатацию острее стала проблема занятости вторых членов семей тех же строителей, эксплуатационников. Запланированные всякого рода трикотажные фабрики и заводы не построены, женской половине населения работать негде. Вот и вынуждены квалифицированные, грамотные, полные сил люди покидать БАМ. А ведь не за горами освоение прилегающих к трассе 1,5 миллиона квадратных километров территории, богатейшие месторождения — удоканская медь, апсатский уголь, сулуматское железо, уркимское золото, ханинские апатиты — перечень этот далеко не полный. Не расставаться с бамовскими кадрами нужно, а всячески закреплять их, заинтересовывать. Только тогда можно будет всерьез двинуть программу развития дальневосточной экономики...

Наш предстоящий спуск по Олекме довольно-таки сложен: река на большом протяжении огибает Становой хребет, там целая серия трудных для прохождения порогов, — некоторые из них пятой категории сложности. Тем более в многоводное лето. Пошли за советом и консультациями к старшему охотоведу района Владимиру Ковальскому.

С ним мы знакомы еще по Магдагачинскому району, где он тоже работал охотоведом. Природу любит, понимает и делает все для ее сохранения. Объявил беспощадную войну браконьерам. В Тынде до сих пор вспоминают случай, когда он вступил в борьбу с тремя вооруженными нарушителями. Журнал «Вокруг света» тепло отозвался о Владимире Ковальском.

Мы рассказали ему о планах.

— У меня к вам одна просьба, — сказал Владимир. — Понимаете, браконьеры убили двух охотоведов. Павла Статкевича нашли, на месте его гибели поставили обелиск, а вот второго унесла Олекма. До сих пор не нашли. Вдруг наткнетесь случайно... Похороните по-человечески. Ребята свой долг выполняли.

— А нашли виновных? — спросил я.

— Найти-то нашли, да полностью вину не доказали. Такие-то дела, ребята...

Он рассказал о сегодняшней Олекме, об изменениях на ее

берегах, особенностях реки в многоводье. Наиболее сложно будет проходить три порога — Олдонгсо, Тимулур и Белая лошадь. Перед каждым из них необходимо сначала осмотреть препятствие.

— Если, конечно, вообще сможете на своем плоту пристать при такой воде к берегу, не порвав камеры, — нерадостно заключил наш консультант. — Течение в порогах — километров двадцать в час.

Он вырвал из блокнота листок, написал короткую записку: — Между притоками Тунгурча и Тунгурчакан расположена сейсмостанция. Начальником там Семен Гуртовенко. Передадите эту записку. Узнаете его по первой же произнесенной фразе. Бьюсь об заклад, — улыбнулся он, — она будет: «Я — старый больной матрос...»

Дальнейший наш путь — на поезде в Юктали. Там остановились у Николая Клименко. На БАМ его тоже позвала «охота к перемене мест», хоть возраст у него далеко не комсомольский. По званию майор, несколько лет он возглавлял Тындинское отделение милиции. Но жена Людмила уговорила уехать в Набережные Челны. Там получили квартиру, работу, но... выдержали всего два месяца, вернулись на Амур. Николай возглавил линейный участок милиции в Юкталях. Людмила говорит: доволен. А как Людмила?

— Он говорит, что пока не найдет яйцо динозавра, отсюда не уедет...

Ничего не понимаю. О каком яйце речь? И слышу курьезную историю. Как и многие жители Юкталей, Николай в свободное время стал охотиться. Заключил договор на заготовку пушнины, ему выделен участок в верховьях одного из притоков Олекмы. Однажды с охотоведом Виктором Сараевым они спускались с хребта к реке. Присели отдохнуть на осыпи. И тут Николаю на глаза попался камень, удивительно напоминающий по форме куриное яйцо, только размером раза в четыре-пять больше. Он повертел находку в руках: тяжелая. Отколол кусочек скорлупы и в поселке показал геологам. Тех едва не хватил кондрат, когда услышали, что Николай бросил находку в расщелину. Оказалось, это было самое настоящее яйцо динозавра, которые жили на этой территории миллионы лет назад. Вот тогда Николай и сказал, что отсюда не сдвинется, пока вновь не найдет злополучное яйцо. Может, и в шутку это было сказано, но каждый год он уходит в верховья той самой речки.

Утром мы навестили председателя Юкталинского сельсовета Виктора Баева. Он коренной амурец, благовещенец. Как и многие другие, на БАМ приехал за романтикой. Много лет

работал рядовым строителем, заочно поступил в институт, вскоре выбрали его главой советской власти поселка. Оправдывает ли он доверие юкталинцев?

В Юкталях пятиэтажные благоустроенные дома, улицы заасфальтированы, разбиты газоны, сделаны бордюры. Открыт торгово-общественный центр, есть кинотеатр, другие учреждения соцкультбыта. Настойчивости и напористости председателя сельсовета можно позавидовать. До конфликта дошло у него со строителями ЧелябБАМстроя, когда те схалтурили, уложив в газоны десятисантиметровый слой земли, когда требовалось втрое толще. Заставил переделывать. И вообще добился, что положенные три процента сметной стоимости объектов шли на выполнение художественно-фундаментальных работ. Отсюда и поселок такой ухоженный, чистый, аккуратный. Всерьез он взялся за создание подсобных хозяйств строителей и эксплуатационников магистрали. Организовал садово-огородническое товарищество. Около 10 гектаров земли разработано, построены десятки дач.

Виктор повел нас осматривать подсобное хозяйство поселка. Почва здесь, как и везде на севере, заболоченная, но к дачному поселку отсыпана неплохая дорога. Смотришь на чахлые листовенницы, и не верится, что на этих землях может вырасти что-либо путное. Но юкталинцы делом доказывают, что это не так. Они распахали и проборонили участки земли, добавили в почву треть шлака. И уже получают неплохие урожаи картофеля и овощей. А огурцы и помидоры выращивают в теплицах. Заходим в одну из них. Овощеводов трое: Галина Карипанова, Екатерина Шахина и Анна Рябова. Протягивают на пробу выращенную продукцию: огурец «сибирский скороспелый». Вот те на — не думал, что свой первый огурец в этом году отведаю на БАМе!

Овощеводов-энтузиастов тут немало — Вадим Швацман, В. В. Дробышев, другие. Пример берут со знаменитого строителя БАМа, начальника СМП-698 Владимира Григорьевича Новика, базирующегося на соседней станции Олекма. 60 километров для бамовцев не расстояние, за опытом туда ездят охотно.

У Виктора обширные планы развития здесь сельского хозяйства. На противоположном берегу Нюкжи в недалеком прошлом располагался прииск Леонтьевский. Сейчас он заброшен, но земли его можно использовать. Вокруг много озер; можно разводить в них гусей и уток, рыбу. Обратился за разрешением в Тындинский райисполком, но земли бывшего прииска использовать пока не разрешили.

— Почему? — пожимает плечами Виктор. — Ведь земли

все равно пустуют.

Приняли мы приглашение съездить в совхоз «Ленин Октоп» — на моторке по Нюкже. Река полноводная, бурная. Несутся среди мутного потока вывороченные деревья, валежник, кустарник. А ведь Олекма будет посерьезней...

Идем ходко. Проплываем мимо полузатопленных линий электропередач — энергия Зейской ГЭС пришла сюда несколько лет назад. На полуметровой глубине видны распустившиеся саранки. Где еще встретишь такое?

Протокой выскакиваем в Олекму. Она еще величественнее, полноводней Нюкжи. Уровень воды метров на пять выше ординара. Однако ни один дом Усть-Нюкжи не подтоплен, поселок расположен на склоне. Баев идет в сельсовет к своему коллеге председателю Валерию Полякову, а мы отправляемся в совхоз.

На звероферме нас встречает главный зоотехник Владимир Кузьмич Кудрин. Основные направления хозяйства — оленеводство и пушное звероводство. Оленей здесь 4000, а пастбищ на это количество животных не хватает, многие попортил БАМ. Соседи-якуты с явной неохотой разрешили несколько лет пасти оленей на ягельниках их территории. Придется, видимо, сокращать поголовье. А вот серебристо-черных лисиц в совхозе уже более 2500.

Бригадир-зоотехник Сергей Китаев показывает своих подопечных. Для улучшения породы завозили лис из Казани, Эстонии. Ферму обслуживают десять звероводов, оплата по конечному результату. В минувшем году каждая сданная государству шкурка дала совхозу прибыль в 125 рублей, при плане приплода три лисенка от самки в среднем получают 3,5. Сергей — недавний выпускник Благовещенского сельскохозяйственного института, приехал в Усть-Нюкжу по направлению. Места нравятся, а значит и работа спорится.

Тут работает цех по пошиву национальной одежды: шьют унты, узорчатые кумаланы, спальные мешки из оленьих шкур, шапки, рукавицы. Настоящие мастерицы — Екатерина Маркова, Андрей Петушкинов, Вера Савина, Наталья Пешкова, А. Л. Прохоров. А продукция Нины Константиновны Мельчакитовой демонстрировалась даже в Москве.

— Возрождаем национальное искусство эвенков, — говорит директор совхоза Юрий Кузьмич Ананьев. — К тому же продажа сувениров и меховых изделий дает нам значительную прибыль.

В Усть-Нюкже встретились со старейшим жителем поселка Егором Михайловичем Мальчакитовым и лесником Михаилом Ивановичем Поляковым. Оба в совершенстве знают Олекму,

окружающие места, слушать их — сплошное удовольствие. Словно лекцию об этимологии названий этих мест услышали.

В бассейне Олекмы — несколько ключей под названием Сивак: по их берегам растет трава сивак. Одним из крупных порогов будет Олдонгсонский — близ его в Олекму впадает речка Олдонгсо, в переводе с эвенкийского — «рыбная». В устье ее можно остановиться порыбачить. Ниже по течению впадает речка Имангра, образованная двумя притоками: Кук-колло («рукавички») и Арбагас («кухлянка»). «То ли кто-то потерял в этом месте рукавички, то ли, наоборот, — нашел», — рассуждают охотники. Один из левобережных притоков называется Таас-Юрях, что по-якутски означает «каменная река». Вода в ней то уходит сквозь камни, то вновь появляется. Неподалеку есть еще речка под двумя эвенкийскими названиями: Джели («камень»), или Джелу («таймень»). Вольный перевод — Тайменья река — нас вполне устраивает. В 75 километрах от Усть-Нюкжи, ниже по течению Олекмы, есть богатое рыбное озеро Чукука. Когда-то добычливый охотник убил там сохатого. Для самого вкусного блюда берется голова. Все это и вместилось в короткое, но звучное сочетание: Чукука. А вот название впадающей в Олекму речки Джаавун-нукит переводится с эвенкийского так: «люди тащили на себе небольшую лодку» — ясно, образно и понятно. Местечко Токамин означает праздник возле добытого медведя. Амнунна — «накипь, проталина»: птица в таких местах держится даже в октябре. Интересны и некоторые смысловые оттенки слов у эвенков, их северных соседей — якутов. У первых слово «тарын» означает выступающие на поверхность соли, напоминающие по цвету сливки или молоко, у якутов — наледь.

На прощанье Михаил Иванович Поляков подарил нам песню, которую сам сочинил, сам и исполняет в долгих охотничьих переходах:

Сяду на «Буран»,
Поеду на Муран,
Тщательно проверю
Свой единственный капкан.

За этой беседой и застал меня Виктор Баев. Пора в путь. Николай Клименко сделал для нас доброе дело, познакомив с главным лесничим Николаем Улановым. Сказал: с ним и решите вопрос насчет настила для плота. Юкталинцы берегут лес, лишнее деревце не тронут. В случае необходимости — лишь с разрешения сельсовета или лесничества. Нам повезло: как раз на берегу Нюкжи закладывался дом, требовалось убрать несколько лиственниц. К вечеру необходимый материал был доставлен к месту вязки плота. Нашлась и груда старых

горбылей, из которых мы решили сделать поперечный настил.

Изготавливать плот на базе автомобильных камер — сплошное удовольствие. Их накачивают, укладывают в два ряда, покрывают продольными и поперечными ронжинами. Все это увязывается пеньковой веревкой. Она лучше капроновой, так как последняя, намкнув, не держит узел. Усовершенствовали мы и конструкцию подгребиц, которые изготовили на берегу, подогнали весла, и только потом смонтировали эти узлы на носовой и кормовой частях нашего суденышка. Жесткость и надежность плота при этом значительно возросли.

Плот был готов к концу следующего дня. Но вечером отплыть не решились: слишком уж бурной выглядела Нюкжа после прошедших в верховьях дождей. Переночевали в установленной на плоту палатке.

Утром нас провожали Виктор Баев, Николай Клименко, Николай Уланов. Последние советы. Отвязываем кормовую чалку и становимся на весла.

— Отдать чалку! — кричу по всем флотским правилам стоящим на берегу ребятам.

«Виа эст вита», как говорили древние: дорога — это жизнь. По крайней мере полмесяца мы проведем в объездах Олекмы. Скрестим шпаги, проверим себя на реакцию и выносливость, увидим много интересных мест. Да здравствует путешествие!

Плот хорошо слушается весел, пара ударов — и легко уходим в сторону. Готовы к любой неожиданности.

Окрестные места, откровенно говоря, не радуют. Справа — трасса БАМа, карьерные выработки, гигантские насыпи, весь левый берег покрыт сгоревшим лесом — чьих-то холодных рук дело. Даже неудобно Олегу в глаза смотреть, ведь я обещал показать ему девственные, нетронутые места. Может, ниже ландшафт остался прежним?

Трасса безмолвствует. За сутки нашего сплава вдоль трассы БАМа прошли лишь два поезда, и то пассажирских. Так и не определились до сей поры Минцветмет, Минуглепром, Минлеспром, Минвостокстрой, кому и что возить по новой дороге. А ведь рельсы ржавеют, шпалы гниют, трасса скоро потребует ремонта...

Идем вдоль правого берега. Где-то здесь расположен тот самый знаменитый кедр, о котором столько писалось в местной и центральной прессе. Рассказывают, что при взрывах его укрепляли металлической сеткой. Вот бы такое бережное отношение к флоре сделать каждодневным для каждого из нас! Кедр увидели уже на траверсе — пышную крону, ровный ствол, оградку по всему периметру, металлическую табличку на стволе.

Следующая достопримечательность — знаменитый Шаман-камень, письмо наших далеких предков из неолита. О нем тоже много писали. Но несмотря на все старания, ничего не удалось разглядеть. А впереди выростал мост через Олекму, появился поселок мостостроителей на правом берегу. Плот едва не выбрасывает на устой моста, потом кружит в водовороте. Километром ниже решаем остановиться, вернуться к месту, чтобы разыскать Шаман-камень.

Возвращаемся по берегу. Громко разговариваем: чего доброго, вохровцы и пальнуть могут! Вот и пост охраны. Дежурная по переезду Таас—Юктали Лидия Григорьевна Федяева, наоборот, нам даже обрадовалась. Да и то верно, гости в этих краях — редкость.

Сама она из Винницкой области, на БАМе шесть лет. Муж работает кузнецом в автоколонне. Со сдачей БАМа в постоянную эксплуатацию придется уезжать.

— А остались бы, если бы дали работу?

— Безусловно.

Распрашиваем о Шаман-камне. Мы его, как и думали, проплыли. «От моста ведет тропка, не собьетесь...» Спускаемся с насыпи в лес. Навстречу бросается с заливистым лаем беленькая собачонка. И — голос: «Куколка, назад!» На шум поспешили хозяева крохотного создания Галина и Роман Артюгины. Он монтажник в мостоотряде, она не работает: негде устроиться. Вероятнее всего, тоже уедут после сдачи БАМа. Как легко мы расстаемся с квалифицированными кадрами, совсем не думая, что через несколько лет на БАМе потребуются специалисты, а разыскать их будет нелегко...

Шаман-камень впечатляет. Внушительный обломок скалы, весь в символических рисунках. Угадываются сцена охоты, олени, лоси. Что хотел выразить этими рисунками двухтысячелетней давности далекий простодушный художник?..

Назад идем своим следом. С облегчением вздыхаем: плот, наш дом и наша крепость, — на месте. Пусть даже она надута воздухом.

Идем по середине реки — меньше неожиданностей. Слева открывается несколько домиков, трасса БАМа отворачивает на запад, в Чарскую долину. Устье Хани... Через несколько километров будет первый порог.

Олекма сужается, бросается в теснину. Замечаем на берегу обелиск со звездочкой. В прошлое путешествие его не было. Может, он поставлен охотоведу Статкевичу, о котором рассказывал Ковальский? Проверить нет возможности: плот летит на скалу. Отбиваемся, проносимся всего в нескольких метрах от ее зубцов. Высота волн — метра два-три. Плот прыга-

ет, как мячик. Улучив момент, оборачиваюсь к сыну. На его лице довольная улыбка: все в порядке.

Несемся по Олекме со скоростью велосипедиста — впечатляет! Первое крещение позади, на очереди Олдонгсонский порог, — пожалуй, самый сложный. Зашли в него правильно, отбились от серии могучих поперечных волн, были окачены водой с ног до головы, на мгновение расслабились и угодили в огромный водоворот, под стать, может быть, мальстремовской воронке, описанной Эдгаром По... Всего в нескольких метрах от нас мчался бешеный поток воды, а между ним и берегом расположился этот самый водоворот. Нас пронесло по кругу раз, другой, третий. Как выбраться? Втянуть плот в свое жерло воронке все же не хватило сил: объем накачанных камер не позволил. Но и в благополучном исходе мы сомневались.

У нас был с собой небольшой якорь — на случай, если придется остановиться у косы. Он нас и выручил. Бросок на берег — и плот прижат к камням. Провести его на большую воду было, как говорится, делом техники.

А потом налетели четыре крохаля: верный признак, что недалеко устье какой-то речки. Тунгурча? Замечаем на левом берегу домик, антенну над ним. Ну конечно же, это та самая сейсмостанция, о которой рассказывал Ковальский и к хозяину которой у нас было рекомендательное письмо. Гребем к берегу, но сильное отвальное течение сводит все усилия на нет. Так и проплываем мимо. Жаль, конечно. Вот что значит — не начать вовремя подгрести к берегу. Теперь как бы не проплыть знаменитый Тунгурчаканский радоновый источник — в трех километрах ниже по течению.

Целебной славе его повезло широко. Сюда приезжают люди с различными костно-мышечными заболеваниями и выздоравливают после некоторого количества принятых ванн. Заведующий Усть-Нюкжинской сейсмостанцией Николай Павлович Емельянов на попутном вертолете доставил сюда едва ходившую жену, а через две недели забрал ее совершенно здоровую. Об этом источнике рассказывал и эвенк Максим Михайлович Яковлев, чей род еще сравнительно недавно населял среднее течение Тунгурчакана. Захворал охотник, занемог, — тотчас едет на олене к источнику за исцелением. Жаль, что Минздрав СССР не интересуется использованием таких источников в лечебных целях. Кроме работников Приленской гидротермальной экспедиции, здесь никто и не бывал, а у них свои задачи.

Пристали к берегу неподалеку от избушек геологов, источник решили искать утром. А через несколько минут услышали гул «вихря»: кто-то шел к нам от сейсмостанции. Лодка стук-

нулась о камни, и послышалась долгожданная фраза:
— Я — старый больной матрос Семен Алексеевич Гуртовенко. А вы кто такие?

Сказано, действительно, с полной безапелляционностью. Мы представились, показали записку охотоведа.

— Почему ко мне не заехали?

Объяснили, что из-за сильного течения не выгребли. Когда была прочитана записка Ковальского, которую Володя писал при нас: «Семен Алексеевич! Записку передадут мои хорошие знакомые. Помогни им, чем можешь», — выражение лица Гуртовенко сразу изменилось.

«Старый больной матрос» — это Семен Алексеевич, конечно, придумал для форсу. Он из Донбасса, работал на шахте, служил во флоте, к которому и прикипел душой. После службы действительно был матросом на судне дальнего плавания, изъездил весь белый свет — от Аляски до Антарктиды; был в Анголе, на Новой Земле, Сенегале, острове Маврикия и так далее.

— Романтика одолела, — рассказывал он. — По рождению я хохол, а по натуре — цыган, люблю путешествовать.

Как-то, вернувшись из очередного плавания, он узнал из газеты о формировании отряда комсомольцев на строительство БАМа. И бегом к жене Екатерине Гавриловне: едем!

— Да мы с тобой двадцать лет как из комсомольского возраста вышли! — всплеснула она руками. — Бога побойся.

— Едем! — твердо заявил муж.

С грузом в полтонны и собакой Кучумом прибыли в Тынду. Екатерина Гавриловна с собакой осталась при вещах, а Семен Алексеевич пошел устраиваться. Разыскал геологов, те свели его с сейсмологами. На Тунгурчанскую сейсмостанцию как раз требовалась смена. Так он стал заведующим, жена — оператором.

Со временем обзавелись хозяйством. Вертолетчики привезли супругам курочку с петушком, супруги приручили олененка, потом медвежонка. Приезжали к ним в гости дети, внуки. Ну разве вмещается в обычные рамки такая биография!

— Курочку лиса съела, — сообщил с горечью Семен Алексеевич. — Петух скучает.

И словно услыша, что разговор о нем, откуда-то из тайги раздалось звонкое петушиное «Кукареку!»

Сейсмостанцию здесь открыли два десятка лет назад в связи с начавшимся строительством БАМа. Изучение активности недр земли вели специалисты Института геологии Якутской АССР. Такие же станции были открыты в Чульмане, Чагде, Тукурингре, Уркиме, Усть-Нюкже. Данные сейсмологов учитывались при строительстве тоннелей на БАМе, объектов промыш-

ленного и гражданского назначения. В том же Чульмане, например, после заключения сейсмологов отказались при возведении зданий от ленточных фундаментов, стали делать только свайные.

Семен Алексеевич приглашает в гости. Садимся в дюральку, мчимся по Олекме к домику, мимо которого пронесло наш плот. Екатерина Гавриловна радушно встречает, поит чаем, угощает пирожками с тайменятиной.

У супругов на склоне берега — небольшой огород, выращивают картофель, лук, овощи. Углубили болото: пытаются разводить карасей. Словом, на жизнь не жалуются.

Через несколько часов Семен Алексеевич подбросил нас к плоту. Показал источник, фонтанирующий чистой, небесного цвета, горячей водой. Сообща приволокли отброшенную половьем метров на сто чугунную ванну.

Для сейсмолога источник — не в новость, а нам он очень понравился. Лежишь в ванне, одна рука в ледяной Олекме, другая опущена в горячий источник. На противоположном берегу десятиметровый водопад, вокруг останцы, скалы, плещется рыба...

Трое суток пробыли возле источника. Варили уху, загорали, принимали ванны, в пользе которых убедился сам: радикулит, что я приобрел в скитаниях по тайге, за эти три суток напрочь растворился в радоновых водах.

И снова — в путь. Через четыре километра еще один порог: Махачанский, но мы к нему были готовы. Даже испытали удовольствие от десятиминутной схватки с могучими трехметровыми волнами.

«Белая Лошадь» оказалась достойной своего названия. Волны пляшут здесь стремительно. Плот ныряет в глубокие впадины. Выныриваем из пучины, как Ванька-встанька!

Это был последний порог — один из самых сильных и красивых. Ниже «Белой Лошади» течение бьет в правый берег. На нем громадный наносник, километра в полтора — последствия многочисленных паводков. Нерадостная картина — оцетинившиеся стволы мертвых деревьев. Все же предлагаю остановиться:

— Помнишь, Олег, просьбу Ковальского насчет погибшего охотоведа? Наверно, его останки покоятся на одной из таких галечных кос. Давай осмотрим, вдруг повезет...

Осматриваем наносник с двух сторон: Олег в верхней части, я в нижней. Следов погибшего охотоведа так и не нашли. Зато на глаза попало много другого. Где-то я читал, что из-за обилия брошенных где попало консервных банок лотомки наши вправе назвать двадцатый век «консерволитом». Дейст-

вительно, даже здесь, в сотнях километров от ближайшего поселка, в глухой тайге, — следы цивилизации. Невесть откуда взявшиеся кирпичи: красный и силикатный, хоть дачу строй! Обломки радиоаппаратуры, различные банки, бутылки, остатки одежды. А Олег отыскал даже обломок рельсы, — вероятно, сброшенной на лед во время строительства БАМа и приплывшую к этому месту вместе с весенней льдиной. И все это — только при беглом осмотре.

— Гробят речку, — вздохнул сын. — Наверно, одна она и оставалась чистой во всем этом регионе. Будет то же, что и с Чарой, по которой сплавлялись девять лет назад. Помнишь, какой чистой она была у истока и какой оказалась в устье?

Я промолчал.

Решили сделать немного дальше по реке однодневную стоянку, чтобы привести в порядок плот и мысли. Слева появился подпор устья Таас-Миеле, куда мы и пришвартовались. И не пожалели о сутках задержки, потому что увидели и почувствовали за это время много интересного.

Мы варили обед, и вдруг из-за поворота течением принесло почти к берегу утку с примостившимися на спине четырем довольно крупными утятами. Фотоаппарата под рукой не оказалось, и мы молча любовались этой картиной. Треснула палка в костре — и утят со спины словно ветром сдуло, а утка нырнула — и показалась едва ли не на середине Олекмы. Малышню прибило к берегу.

Наблюдали мы и стычку чайек со скопами. Обе пары выбрали для гнездованья устье речки, и каждая воевала с другой из-за территории. Чайки, конечно, во много раз меньше, но настолько же проворнее. Приходилось только удивляться, как это они решались нападать на несущую к себе в гнездо добычу скопу. Проносились в каких-то сантиметрах от птицы, та переворачивалась в воздухе на спину и лапой старалась достать обидчиков. Один раз чайкам удалось выбить из лап скопы некрупную рыбешку, за которой они сразу устремились.

Тут нам выпала редкая удача и с рыбалкой. Ленков на спиннинг мы частенько ловили. А вот тайменя ни разу не удавалось.

— Олег! — сказал я в тот день решительно. — Возьми фотоаппарат, будем фотографироваться с тайменем.

Сын подхватил шутку, взял в руки старенький «Зенит», скомандовал:

— Мотор! Начинаю съемку. Сначала общий план...

Я закинул снасть и стал крутить катушку. Последовал рывок — за блесну схватилась какая-то рыбина. Подтянул к плоту, — и что вы думаете? — в самом деле это оказался метр-

вый таймень! Кое-как удалось поднять его на плот. Невероятно, конечно, но сын удачно снял все эпизоды моего единоборства с тайменем.

Когда поплыли дальше, нас уже не удивляли причудливые скалы — привыкли. Даже нависшие над водой тысячетонные карнизы примелькались, не вызывали прежнего восторга. Стали скучать по людям.

— И тут повезло. Первым заметил дом с развевающимся красным флагом Олег. Стали грести к нему почти что поперек реки. Течение снесло нас на добрых три километра, но все-таки решили вернуться. Скорее всего, это метеорологи: где-то в этих краях, судя по старой географической карте, должна быть метеостанция.

Привязали плот, поднялись на берег и двинулись узкой звериной тропой. Через полчаса послышался собачий лай; несколько породистых лаек бросилось навстречу, оповещая хозяев о прибытии гостей.

Оказалось, что метеостанция — на полсотни километров ниже, а тут кордон Олекминского заповедника, одного из самых северных и самых молодых в нашей стране.

Здесь их пятеро — лесничий Иван Иванович Емельянов, лесники Александр и Люба Коноворовские, Олег Ефимов и Алексей Мамадалиев. Заняты строительством кордонов по всему периметру заповедника. Пока что это организационный период: исследовательские работы начнутся со следующего года. Их направление — способствовать сохранности в естественных условиях состояния горно-таежных комплексов юга Якутии, изучать природные процессы и явления, а также препятствовать вредному воздействию хозяйственной деятельности на природу в зоне БАМа. Площадь заповедника — без малого миллион гектаров! Интересна здесь и флора. Папоротник уживается с княженикой, тимьян ползучий — с каменным зверобоем. Встречаются золотой корень, волчий корень, есть черника, варили мы борщ из ревеня, длина листьев которого — едва ли не метр. Это только по берегам Олекмы. А сколько неожиданного хранит в себе тайга! Встречались лоси, занесенные в Красную книгу Якутии изюбры; бурые медведи, а из пернатых — крохали да скопы-рыболовы, становящиеся редкостью везде.

Как упоминалось, я уже проходил маршрутом по Олекме 18 лет назад. Помнится, тогда мы выручили студента-охотоведа Бориса Трегубова, у которого вышел из строя лодочный мотор. В этих местах он собирал материал для дипломной работы. С ним мы и заходили на метеостанцию, тамошняя молодая девушка-оператор чем-то была похожа на сидящую напротив Любовь Степановну Коноворовскую.

— Вы в 71-м на метеостанции не работали? — спрашиваю.

— Работала... А вы откуда знаете?

Я напомнил. Поистине, мир тесен!

— Борис Трегубов тоже работает у нас, в заповеднике, — сказала Люба.

Нас угостили чаем со свежесдобитым хлебом. Мечтали ли мы о таком еще несколько часов назад? Любовь Степановна поставила свежее тесто. «К вашему отъезду подойдет, — улыбнулась она, — испеку пару буханок на дорогу». Нашлись общие знакомые, особенно среди вертолетчиков: ребята из Благовещенского авиапредприятия многие годы обслуживали и юг Якутии. Те же Григорий Ружин, Иван Шаров, Юрий Захаров.

Но, как говорится, пора и честь знать, путь нам предстоял еще долгий. Попрощались, обменялись адресами, сфотографировались на память. И стали с Олегом спускаться по тропе к речке, как вдруг на нашем пути вырос Иван Иванович Емельянов. Он был уже в фуражке с поблескивающей кокардой. Словом, при исполнении служебных обязанностей.

— А теперь составим протокол, — мягко предложил он. — О нарушении режима заповедника.

У меня чуть не выпал из руки испеченный Любовью Степановной хлеб.

— Какой протокол?

— Чтобы плыть вдоль границы заповедника, нужен пропуск, — сказал Иван Иванович. — Он у вас есть?

Никакого пропуска у нас, конечно, не было. В сельсовете Юкталей об этом тоже не упоминали: скорее всего, там сами не знали об этом положении.

Протокол был составлен. Иван Иванович прав: действовал согласно инструкции, а мы — нет. И не оправдание, что ее не знали. Хотя, конечно, руководству Олекминского заповедника нужно бы списаться с председателями всех сельсоветов, что расположены в верховьях Олекмы, откуда можно ждать туристов. Может, даже сопровождать группы кому-либо из сотрудников от кордона к кордону, рассказывать о достопримечательностях окрестностей. Например, о местечке Крестях, где, согласно легенде, Ерофей Хабаров обращал в христианскую веру местное население. Это едва ли не самое примечательное место на Олекме. Никакого вреда природе при осмотре туристы не принесут, а знаниями о примечательностях родного края обогатятся...

Плывем дальше. Видим на левом берегу величественный, в два обхвата кедр, останавливаемся, фотографируем. Замечаем неподалеку еще несколько таких великанов и думаем: почему на

Дальнем Востоке никто всерьез не занимался выращиванием этого замечательного дерева? А то, что кедр может расти у нас и плодоносить, бесспорно. В Ленском и Алданском районах, например, добыча кедровых шишек ведется в промышленных масштабах. Может, не огораживать надо тот олекминский кедр, что видели мы близ Юкталей, а, наоборот, разгородить, высадить рядом сотню таких же саженцев.

Следующая примечательность на Олекме — остров Ытылах: в переводе с якутского — «собачья голова». Там, нам говорили лесники на кордоне, есть избушка. Кстати бы в ней переночевать: дождь припустил не на шутку.

Семьдесят километров от кордона прошли за семь часов. Скорость реки заметно упала. Вот и остров. Пристаем, поднимаемся на террасу — и попадаем на небольшой аэродром! Заросший сосняком, правда, отчего он кажется еще более загадочным. Видим долгожданную избушку, возле нее человека. Это тоже работник заповедника — Иван Маркович Ковальчук, заведующий подсобным хозяйством. Ищет по Олекме места, где можно построить свинарник, разводить уток, гусей.

— А аэродром откуда?

Оказалось, здесь несколько лет базировались геологи. Груз доставляли с помощью «аннушек».

Обвинять нас в нарушении заповедного режима Иван Маркович не стал. Даже наоборот: натопил печку, сварил ужин. Мы поделились с ним консервами, он дал немного свежей картошки и лука. **Расстались друзьями.**

К вечеру того же дня подплыли к метеостанции. Она тоже расположена в заповедной зоне (точнее, заповедник вобрал ее в себя), но причаливаем. Актом больше, актом меньше — большой разницы нет. Но опасения наши были напрасны. Коллектив станции — на редкость дружный, слаженный. Руководит станцией Нина Шпалтакова; Анатолий Лейсман — радист-наблюдатель; у супругов Елены и Евгения Фулеровых на двоих три диплома: патентоведа, учителя иностранных языков и инженера-турбиниста. Характер работы у метеорологов ксчевой, сия судьба не обошла Нину с Анатолием. Работали на метеостанциях озера Токо, Хара (в верховьях Архары), в Приморье, на Вилюе. В нескольких десятках метров от метеостанции построили кордон лесники заповедника. Здесь тоже не скучно. У супругов Григория и Аллы Сучковых — трое ребятшек, мал мала меньше. Шум, крик, не верится, что до ближайшего поселка двести километров. Кстати, Григорий и Алла долгое время жили в Завитинске. Из Благовещенска и третий сотрудник кордона на Джикимде — Александр Коромыслов. Несколько лет он работал старшим охотоведом Амурско-

го облпотребсоюза. Словом, — сплошь амурчане.

Просим у Александра разрешения съездить на Крестях.

— И правильно сделаете, — ответил он. — Быть на Олекме и не посетить место, где Ерофей Павлович обращал местное население в христианство — глупо. Кстати, там и петроглифы посмотрите, их целая галерея.

Едем вместе с Анатолием. Осторожно поднимаемся на скалу. Обращенная к реке сторона действительно вся в петроглифах. Интересно, аналогичны они амурским или нет? На вершине скалы — площадка, где установлен потемневший от времени крест. Неужели остался с той поры?..

Отплываем от метеостанции, машем, прощаясь, ребятам. Впереди — еще несколько дней плавания до якутского поселка Куду-Кюель, из которого самолетом местных авиалиний можно улететь в Олекминск. Как и сделали мы через несколько суток.

Что делают, чем занимаются герои этих путевых заметок теперь? Если на дворе весна, то Виктор Баев наверняка в подсобном хозяйстве поселка Юктали: сельское хозяйство надо поднимать, убежден он. Николай Клименко, скорее всего, на службе: дел всегда невпроворот. А если взял отпуск, то, наверно, уехал в свои угодья, — охотиться и заодно продолжить поиск яиц динозавра. По крайней мере, он так доложит своей Людмиле. «Старый больной матрос», вероятно, снимает показания приборов, передает данные в Чульман, Якутск или Иркутск. А может, умчался за грибами: места на Тунгурче хорошие. В обход закрепленных угодий отправились сотрудники заповедника. Своими заботами живет коллектив метеостанции Джикимда. Лена Фулерова наверняка переводит очередную статью с какого-нибудь иностранного языка на русский, а Евгений пишет письмо восьмилетнему Витальке, мучительно подыскивая оправдания, почему они с мамой не торопятся уезжать из этих мест.

Может, и ошибусь в эти прогнозах, но ненамного. А вот действия Михаила Ивановича Полякова из Усть-Нюкжи, особенно если на дворе промыслово-охотничий сезон, предскажу точно. Он мчится по Олекме на своей технике и поет песню, к которой придумал окончание:

...Сяду на «Буран»,
Пседу на Муран,
Тщательно захопну
Свой единственный капкан.

Всем им я искренне завидую.